

Леонид Андреев

Конь в сенате

Леонид Николаевич Андреев
Конь в сенате
Серия «Сатирические
миниатюры для сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805655

Аннотация

«Здесь собирается Римский Сенат. Все в огромном масштабе, все грандиозно, кроме людей.

Медленно и величественно, едва волоча ноги от важности, сходятся сенаторы к нынешнему торжественному заседанию. Наиболее важных и старых окружает толпа челяди, вольноотпущенников и рабов. Во множестве вьются льстецы. Всюду заглядывают с рассеянным видом, все слушают, все пробуют, все щупают какие-то скромные остролицые полусенаторы в гороховых хитонах. Солнце светит, погода прекрасная...»

Содержание

**Леонид Николаевич
Андреев**
Конь в сенате
Водевиль в одном действии
из римской истории

*Калигула! твой конь в сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.*

Державин¹

Здесь собирается Римский Сенат. Все в огромном масштабе, все грандиозно, кроме людей.

Медленно и величественно, едва волоча ноги от важности, сходятся сенаторы к нынешнему торжественному заседанию. Наиболее важных и старых окружает толпа челяди, вольноотпущенников и рабов. Во множестве вьются льстецы. Всюду заглядывают с рассеянным видом, все слушают, все пробуют, все щупают какие-то скромные остро-

¹ Эпиграф – строка из оды Г. Р. Державина «Вельможа» (1794).

лицые полусенаторы в гороховых хитонах. Солнце светит, погода прекрасная.

Один старый и важный патриций приветствует другого, такого же старого и важного.

– Привет тебе, достойнейший Публий.

– Привет тебе, Сципион, величайший из римских граждан, украшение Сената.

Кланяются и расходятся, валясь назад от гордости. Первый льстец шепчет на ухо первому сенатору:

– И чтобы у такого вора и мошенника и такая свита!

Второй льстец также шепчет второму:

– И чтобы у такого казнокрада, прелюбодея и стервеца – и такая свита.

Оба, каждый на своем месте, отчаянно потрясут головами, выражая гражданскую скорбь.

Здороваются несколько сравнительно молодых сенаторов, собираются в кружок.

Первый. Здравствуй, Клавдий. **Второй.** Здрав-

ствуй, Марк.

Третий. Что с тобою, Марк? Вчера твое лицо наполовину не было так широко, как сегодня.

Марк. Меня насилу разбудили. (*Хрипло откашливается.*) За какой глупостью нас созвали? Голова трещит.

Четвертый. Тише!

Второй. Какое-то очень важное дело. Мне так сказал посланец. Цезарь...

Четвертый. Тише! Тебе чего здесь надо?

Полусенатор. Мне? Решительно ничего. Вот странно, ей-Богу. Я просто так.

Марк (*угрожающе*). Так?

Полусенатор. Какие колонны! Какие арки! А портики-то? Это не портик, а...

Четвертый. Все рассмотрел?

Полусенатор (*поспешно*). Благодарю вас, все. (*Отходит.*) Ах, какая замечательная архитектура!..

Марк (*хрипло*). Презренное ремесло! Вот я его поймаю как-нибудь возле Капитолия...

Пятый (*здороваясь, взволнованно*). Вы слышали?

Голоса. Нет. Что?

– Что такое?

– Говори, Агриппа.

Агриппа. Я просто не понимаю, куда мы идем. Это

Плутон знает, что такое. У нас хотят укоротить тогу².

Четвертый. Не может быть! Укоротить?

Агриппа. На целый локоть или два: одним словом – выше колен. Нет, вы понимаете – какие же мы будем после этого римляне?

Все поражены.

Марк (вздыхая). Здорово!

Агриппа. И хотят, чтобы мы сами проголосовали это – нет, вы понимаете!

Марк (вздыхая). Здорово. А ничего не поделаешь, отрежут.

Четвертый. Не отрежут!

Марк (мрачно). Так укоротят, что мое почтение.

Агриппа. Нет, не укоротят. Мы свободные граждане, а не рабы.

Второй. Никто не смеет коснуться Римского Сената!

Агриппа. А если резать, пусть отрежут вместе с ногами. Если мой предок, Муций Сцевола, сумел пожертвовать рукой, то я...

² ...хотят укоротить тогу. – В ранний период Римской империи тога (верхняя мужская накидка из шерстяной ткани) была официальной одеждой, и поэтому ее длина, цвет и орнамент строго соответствовали должности и возрасту человека.

Третий. Ты больше пьешь и лежишь, Марк, чем ходишь, – зачем тебе ноги? А вот какво мне!

Марк. Тебе хорошо, Агриппа, у тебя все ноги в мозолях, тебе будет легче, а какво мне?

Все мрачно задумались. Сопровождаемые толпой челяди, встречаются и здороваются два важных сенатора.

Марк. Нет, как можно без ног! Не хочу я без ног! (*Обращается к важному сенатору.*) Привет тебе, великий, Тит! Не слыхал ли ты чего о новой воле нашего божественного, нашего...

Тит. Слыхал. Здравствуйте. Вчера я был у цезаря... но какая это голова, какой светлый ум!

Все. О, еще бы, голова!

Второй важный сенатор (*завидуя первому*). Я тоже был у цезаря. Меня он звал. Но какое вино! Меня выносили пять рабов, так я был тяжел!

Тит. А меня несли шестеро, не понимаю, что здесь такого? (*Марку.*) Когда ты бываешь пьян, тебя сколько рабов несут домой?

Марк (*нехотя*). Двенадцать. Но скажи на милость, Тит, ты не слыхал, чтоб великий цезарь божественный Калигула выразил пожелание укоротить нашу тогу?

Тит. Тогу?

Второй важный сенатор. Укоротить?

Оба снисходительно смеются.

Тит. Какое ему дело до нашей тоги?

Второй важный сенатор. Какие пустяки!

Агриппа. Но почему же такое торжественное собрание? Мне сказали, что посланец отправлен даже за теми, кто живет в загородных виллах, в Альбано³. Ты видишь, сколько уже собралось. А мы так беспокоились...

Тит. Пустяки! Цезарь хочет устроить ряд особенно пышных празднеств...

Радостное движение и возгласы.

Ну да, да – и ему нужны, вы понимаете, деньги. (*Смеется, потирая сухими пальцами.*) Келькшоз даржан⁴!

Агриппа (*радостно*). Кредиты? Ну, это другое дело.

Все. Это другое дело.

Марк. Этого сколько угодно! Главное, чтобы ноги.

³ *Альбано* – название озера и местечка близ Альбанской горы в области Лаций (сравнительно недалеко от Рима).

⁴ *Кельшоз даржан* – немного денег (от фр. *quelque chose d'argent*).

Четвертый. Даже история признала, что «хлеба и зрелищ»... вообще этот принцип... одним словом (*запутывается*). Я даже не понимаю, о чем тут... Тише!

Второй полусенатор. Нет, я ничего, я так. Мне слышалось, что тут анекдот рассказывают, а я, знаете, люблю это сальце. Хе-хе. Скромненькое!

Тит (*благосклонно*). А, это ты! Ну, здравствуй, бес-тия, здравствуй. Отчего не заходишь? Посидели бы, поболтали.

Полусенатор. Да все некогда, почтеннейший мой благодетель. Столько забот, что воистину голова кругом идет...

Все остальные почтительно отодвинулись.

Тит. Заходи, заходи.

Полусенатор. За долг почту, благодетель, у меня такие есть новости, что... (*Наклоняясь.*) А ты не слышал, о чем они тут? Этот Агриппа давно у меня на следу.

Тит. Ну и дурак же ты, братец. Раз я тут, так о чем они могут, а? Пойдем. Вчера цезарь и спрашивает меня...

Уходят. Остальные возвращаются на свое место.

Марк. Даром только напугали! Беспокойный ты человек, Агриппа.

Второй. А это хорошо, что празднества! Чернь что-то беспокойна. Вчера мои рабы палками прочищали мне дорогу.

Агриппа. Я сам, брат, доволен. Тише – идет Марцелл.

Голоса. Марцелл!

– Однако и его призвали!

– Нет, это что-то важное.

Марк. Я его боюсь. Вдруг возьмет и скажет: ну и подлец же ты, Марк, – что я ему отвечу? Ведь правда.

Агриппа. Не много таких осталось.

Все почтительно приветствуют Марцелла. Тот останавливается.

Марцелл. Привет, друзья. Вы не знаете, зачем нас сегодня призвали? Весь Рим шумит о нынешнем собрании. Не новая ли война с Галлией?

Агриппа. Где ты уже стяжал однажды такие лавры, великий Марцелл, – о, нет! Говорят, что ожидают большие празднества и нужны деньги.

Марцелл. А!

Глухой и полуслепой сенатор. А я всегда голосую

за. А? Что? Ну да. Раз я глухой, как же я могу голосовать против? Ну да. Что ты говоришь? Говори, что хочешь, я все равно ничего не слышу. Это не ты, Марцелл, что-то я плохо вижу. Мы вместе были в Галлии, я Антоний, помнишь?

Марцелл. Я Марцелл, но ты уже не Антоний. *(Уходит.)*

Глухой. Что он? Ну и не надо. Говори что хочешь, я все равно ничего не слышу. Пойду с другими поговорить. *(При общем смехе уходит и вмешивается в чей-то разговор.)*

Сенаторы почти все в сборе, разбились на группы. К нашей группе подходит донельзя взволнованный, круглый, как шар, сенатор Менений. Не может говорить, задыхается, машет руками.

Агриппа. Что с тобой, Менений? Марк. Что с ним? Эй, опомнись. Менений. Ох! Ох-охо-хохошеньки. Ох... Четвертый. Ну? Да говори. Менений. Ры... ры... ры... Сенатором... Ох.

Подходят еще.

Голоса. Что здесь?
– Слушайте. Слушайте.

– Да говори же, Менений. Кто умер?

– Никто.

Менений. Цезарь... Цезарь... Божественный цезарь, ох! Назначит сенатором Рыжего! Ох! Рыжего!
(Плачет.)

Марк. Какого рыжего? Да он пьян, ей-Богу.

Менений. Нет.

Марк. А чего же ты плачешь? Да говори же ты.

Агриппа. Какого рыжего? Отчего он так взволнован? Мало ли у нас сенаторов...

Третий. А кто у нас рыжий? Сципион – раз.

Второй. Камилл – два. Гельвидий – три.

Менений (*машет рукой*). Да нет, нет. Лошадь!

Все. Какую лошадь? Что он говорит?

Менений. Цезарь назначил свою лошадь... ну рыжего жеребца, знаете?

Голоса. Знаем!

– Знаем!

– Ну так что же? Говори!

Менений (*трагически*). Цезарь назначил его – сенатором! Ох!

Молчание – и затем всеобщий громкий смех. Подходят новые и, узнав в чем дело, также хохочут. Менений машет руками, но на него не обращают внимания.

Голоса. Ну и сказал. Жеребца – сенатором!
– Ха-ха-ха!
– Кто сказал?
– Он. Ха-ха-ха!

Наконец стихают.

Менений (*кричит*). Ослы! Дураки! Идиоты! Что смеетесь? Я вам истину говорю: назначил – назначил – и сегодня его введут...

Опять громкий смех.

Ну да – введут, а то как же, и мы должны жеребца приветствовать, и вот речь, которую я сам произнесу. (*Показывает свиток и плачет.*) Вот и консулы, они все знают, спросите их... идиоты!

Недоуменное молчание. Кое-кто еще фыркает, но многие уже серьезные. Подходят консулы, двое, одеты щеголевато, важны, но любезны.

Первый консул. Прекрасное настроение! Очень приятно. Какой чудный день, не правда ли?

Второй консул. Прекрасная погода! Птицы! Слава

Юпитеру, наш божественный цезарь сегодня чувствует себя прекрасно и повелел благодарить. Я думаю, скоро и начнем?

Агриппа (*запинаясь*). А это правда?

Оба консула (*любезно*). Что, дорогой товарищ?

Марк (*вздыхая*). Насчет Рыжего. Тут такого наврал Менений.

Консулы делают приятное, но несколько грустное лицо; впрочем, оно одной только стороной грустное, а на другой на нем сияет кроткая радость.

Первый консул. Ах, вы уже слыхали? Да, да, как же. Могу всех вас поздравить с радостью, господа. К нам назначен милостью цезаря, и мы сегодня же можем приветствовать в нашей среде нового, так сказать, сочлена...

Полусенатор (*просовывая голову*). Сенатора.

Консул. Ах, да, благодарю тебя, конечно, сенатора. А то как же? Это вполне достойный... или, вернее, достойное...

Второй консул (*подсказывая*). Животное.

Консул. Да, да, животное. Господа, но разве и все мы не животные? Все животные. И если у одного из вас две ноги, то есть некоторые, у кого всего одна, —

почему же не быть и четверем?

Второй консул. И в наказе ничего не упомянуто относительно количества ног. И если означенный жере...

Марк (мрачно)....бец – договаривай уж! О Юпитер, Юпитер!

Первый консул. Его блестящее прошлое всем нам известно. Еще только в прошлом году он... или оно получило приз на ристалище... и вообще мы должны гордиться и приветствовать.

Второй консул. Если и есть какие сомнения по наказу, то только возраст. Новому нашему почтенному товарищу всего шесть лет.

Первый консул. Здесь я позволю себе не согласиться с уважаемым товарищем. Для существ, имеющих четыре ноги, возраст измеряется несколько иначе. Для существ, имеющих четыре ноги, полная умственная зрелость наступает...

Агриппа. Я протестую.

Общие крики негодования и возмущения.

Голоса. И мы!

– И мы!

Агриппа. Еще не было такого прецедента – с тех пор как стоит Рим! Голоса. Не было!

– Долой жеребца!

– Долой Рыжего!

Агриппа (*воодушевляясь*). К нам назначали разных мерзавцев – и мы молчали, мы соглашались. Но у них по крайней мере было две ноги, а не четыре...

Голоса. Верно.

– Нельзя четыре!

Агриппа. К нам сажали воров и любовников цезаря... Марк (*хватая его за руку*). Ты с ума сошел!

Все крики стихли. Молчание.

Первый консул (*любезно*). Ты что-то сказал, Агриппа?

Полусенатор (*шепчет*). Сказал: и любовников цезаря.

Первый консул. Но таково, впрочем, повеление божественного Калигулы. Если тебе не нравится, Агриппа, ты можешь сказать об этом: через несколько минут прибудет сам цезарь. И тогда же при... введу...

Полусенатор. Пригласят.

Первый консул. Пригласят нашего нового и уважаемого сочлена. Должен заметить, что цезарь особенно рассчитывает на ваш теплый и радушный прием новому товарищу. Цезарь глубоко убежден, что обычная ваша сдержанность, отцы отечества, не помеша-

ет вам в этот раз вполне выразить ваш восторг и благодарность божественному Августу за его милость. После приветственной речи, которую выразил желание произнести Менений...

Менений. Ох!

Первый консул. А, это ты, Марцелл! Очень рад тебя видеть.

Марцелл. Я также. Ты сам введешь коня?

Первый консул. Нет. (*Ядовито.*) Но ты скажешь ему вторую приветственную речь... Так повелел божественный цезарь. Он заранее в восторге от твоего испытанного красноречия.

Марцелл (*бледнея*). Я плохой оратор. Я воин.

Первый консул. Могу передать только то, что повелел Калигула.

Марцелл. Скажи цезарю...

Первый консул (*поднимая обе руки*). Ни-ни, достойнейший воин! Я ничего не смею передавать цезарю. (*Любезно улыбаясь.*) Могу только повторить, что он заранее в восторге. Итак – поздравляю, господа.

Оба консула в сопровождении ликторов⁵ и свиты уходят. Возле Марцелла образовалась пустота.

⁵ *Ликторы* – должностные лица в Древнем Риме, исполнявшие обязанности почетной стражи при высших чиновниках, а также осуществлявшие охрану во время суда и казней.

Марцелл, очень бледный, медленно удаляется. Молчание – и затем общий крик негодования.

– Это неслыханно!

– Это невиданно!

– Нас засмеет чернь! Выгнать эту лошадь!

– Долой жеребца! Долой Рыжего! Одинокий голос.
Долой Калигулу!

Внезапное молчание. Все оглядываются – и Марк за шиворот выволакивает на середину испуганного полусенатора. Хохот.

Марк. Вот он. Ты это что кричишь, а? Ты кого хочешь долой?

Полу сенатор. Да разве я что? Юпитер! Да разве я... Все. Вон!

Полусенатора вышвыривают пинками; за ним, испуганные, удаляются и прочие полусенаторы. Прислушиваются издали, стараясь хоть что-нибудь схватить; в глазах отчаяние. Здесь становится несколько тише.

Третий. Мы не должны соглашаться. Помилуйте, что же это будет – на всех воротах написано: Сенат и

Народ Римский – и вдруг... какая-то лошадь. Рыжий жеребец!

– Это конюшня, а не Сенат!

– Стойло!

Четвертый. Тише, тише, сенаторы! Надо обсудить... Вон идет Тит – спросим его, и он... Тит, а Тит!

Сквозь толпу протискивается почтенный Тит, утративший значительную долю важности.

Тит. Я уходил и не слышал, что тут... Крики, шум, что случилось, друзья? Говорят о какой-то лошади...

Марк. Не о какой-то, а цезарском жеребце. Рыжего знаешь? Жеребца?

Тит. Знаю. Ну?

Марк. Вот тебе и ну. Назначен сенатором. Рядом с тобою сидеть будет.

Снова крики и хохот. Тит в обмороке валится назад.

Голоса. В носу! Щекочите ему в носу!

– Водой его!

Тит приходит в себя.

Тит (*слабо*). И это правда? О Юпитер!

Голоса. Что же нам делать, Тит?

Агриппа. Я говорю, что надо обратиться к народу и легионам...

Тит (*машет руками*). Что ты! Ни в каком случае. Походите, дайте подумать! (*Думает.*)

Остальные, разинув рты, смотрят на него.

Итак...

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Тит. Как старейший в высоком собрании, я решительно говорю: мы не должны подчиняться.

Возгласы одобрения.

Божественный Август, видимо, впал в какую-то ошибку. Как можно лошадь назначать сенатором? Что же, и я тогда тоже лошадь? (*С горькой иронией.*) Жеребец? Видимо, цезарю что-нибудь не так доложили, и в своем стремлении к благу народа божественный просто не рассчитал, сколько...

Голос. Сколько ног у Рыжего?

Тит. Ну да – и сколько ног, и вообще. Но едва ли здесь в ногах дело: вопрос, по моему мнению, стоит глубже... И надо просто обратиться к Калигуле с пети-

цией, просить его отменить неправильный... или, вернее, непро... нетактичный выбор.

Полусенатор (*просовывая голову*). И ты, Тит?

Тит. Пошел ты к Плутону! Ну и я, Тит, так что? Убейся.

При криках «вон» полусенатор исчезает.

И надо прежде всего указать божественному на наши заслуги, на нашу готовность, которая лишает, так сказать, необходимости вводить в нашу среду новых...

Голос. Животных.

Тит. Ну да, животных. Разве мы не всегда соглашались? Мы все молчали, когда цезарь обобрал, так сказать, весь народ и бросал деньги на ночные празднества и оргии. Мы молчали, когда он растворял жемчуг в уксусе и пил этот весьма дорогой и малополезный напиток. Мы молчали, когда он бросал римских граждан на корм своим зверям в зверинце, вполне доверяя его заявлению, что такой корм обходится дешево. Помню, я сам тогда исследовал этот вопрос и пришел к убеждению, что действительно при дороговизне припасов такой корм...

Голоса. Короче! Известно!

Тит. Мы молчали, когда, отправившись в поход на

Британию, он врал оттуда, что побеждает, а сам собирал ракушки на берегу. Мы молчали, когда, объявив себя богом, он приказывал отсекал головы у других богов и на их место ставить свою. А если это так, то – за что же такое оскорбление. За что? *(Плачет.)* Я старый человек, я отец отечества, и я не могу, чтобы какая-то рыжая лошадь... *(Плачет.)*

Менений *(плачет)*. Жере... жеребец...

Тит *(рыдает)*. Надевши тогу... надевши тогу... *(успокаивается)* вела себя неприлично возле самого моего места. За что? – спрашиваю я. Где наша вина? В чем наше преступление? Не мы ли молчали, когда...

Голоса. Довольно!

– Просить!

– Нет нашей вины!

– Просить!

– Долой проклятую лошадь!

Агриппа. Я протестую! Римские сенаторы, опомнитесь!

Глухой сенатор *(шамкающе вопит)*. А я за! За, за!

Агриппа. Не просить, а требовать мы должны, римские сенаторы. Если мы виновны, то пусть нам назначат наказание по суду, но чтобы так! – чтобы вдруг прямо и лошадь! – что же это такое? Здесь многие указывали на рыжую масть жеребца, а по-моему, де-

ло не в масти, а в том, чтобы подняться и всем уйти отсюда.

Голоса. Уйдем!

– Оставим Сенат!

Агриппа (*заслушавшись себя*). И когда мы все, покрыв тогой голову, с видом мрачного отчаяния и гордой непокорности судьбе...

У входа движение. Показываются консулы и преторианская гвардия императора. Ликторы кричат: «На места! На места! Дорогу императору!» Окружавшие Агриппу сенаторы поспешно разбегаются на свои места.

(Не слыша.) Кто тогда останется в Сенате? Кто будет заседать? Один жеребец. На том месте, где некогда славный Брут...

Преторианец (*толкая его*). Дорогу!

Агриппа, опомнившись, бежит на свое место. Шумное движение, суматоха; престарелые сенаторы, сбившись с толку, путают свои и чужие места, спорят. Проходят писцы. Из всех углов и щелей торчат головы полусенаторов, готовящихся к составлению умственного отчета о заседании. У выходов размещаются преторианцы. В сопровожде-

нии толпы изнеженных любимцев, префектов и других высших воинских чинов показывается Калигула. Он пьян, и двое друзей, Приск и Дион, поддерживают его под руки. На голове цезаря золотой лавровый венок. Его маленькие припухшие глаза смотрят сонно и свирепо. Из озорства цезарь волочит одну ногу и выделывает ею кренделя, но потом, рассмеявшись, отталкивает друзей и один, довольно твердо, всходит на возвышение, где цезарская ложа (в правом углу авансцены). Свита помещается возле него.

Когда Калигула занимает свое место, весь Сенат поднимается и устраивает ему продолжительную овацию, по-тогдашнему – триумф. Крики: «Виват цезарь! Виват!» Калигула, не кланяясь, рассматривает орущих, потом машет рукой: довольно!

Крики стихают, сенаторы сели. Первый консул открывает заседание.

Первый консул. Римские сенаторы! В непрестанном попечении о благе народа римского и блеске республики божественный цезарь повелел и соизволил назначить нового сенатора. Не останавливаясь перед жертвами, сколько ни тягостны они его великому сердцу, Калигула отказался для нужд государственных от своего любимого жере... е... лош...

Второй консул (подсказывая). Коня.

Первый консул. Коня, и ныне последний, уже в качестве сенатора и отца отечества, окажет нам честь своим посещением. И мы счастливы...

Калигула (*громко*). Что он врет? Останови его, Приск. Скажи, что я буду ездить на Рыжем. Что еще придумал, дурак!

Приск (*лениво*). Послушай, как тебя!..

Консул. Да, я знаю. И милость цезаря столь велика, что он и впредь не оставит нового сенатора своим вниманием и будет на нем... как это сказать, будет на нем... упражняться.

Второй консул. По наказу всякий сенатор в свободное от государственных занятий время может быть... как это сказать, употребляем или вообще при-способляем...

Калигула (*громко и сердито*). Скажи ему: когда хочут!

Консул (*поспешно*). Так как служба цезарю есть важнейшее государственное дело и первая и самая святая наша обязанность, то новый сенатор всегда будет готов для этого... для упражнений. И затем я счастлив передать Сенату благодарность императора за то, что римские сенаторы, в сознании лежащего на них долга, столь поспешно и в таком отрадном количестве собрались на сегодняшнее заседание. Теперь прошу ввес... привес...

Второй консул. Пригласить.

Консул. Пригласить достойнейшего Рыж... сенатора.

Все с волнением смотрят. Несколько конюхов вводят рослого рыжего жеребца, звонко шагающего по каменному полу. Конь действительно прекрасен; слегка взволнованный, он тревожно косит черными гордыми глазами. Вместо попоны на нем накинута сенаторская тога.

Калигула (*бормочет в восторге*). Какая лошадка! Приск, какая лошадка, а?

Консул. Римские сенаторы, что же вы! Приветствуйте же товарища. Виват!

Сенаторы встают и единодушно громкими и продолжительными криками «виват» приветствуют коня.

Калигула (*щуря оплывшие глазки*). Все встали, Приск?

Приск. Все.

Калигула (*со вздохом*). А может, кто не встал, взглядишь?

Приск. Все.

Калигула. Дай вина. (*Тянет вино, сердито поглядывая на толпу.*)

Около нового сенатора собралась кучка особенно восторженных патрициев и осторожно, боясь его зубов, похлопывает с нежной улыбкой по спине и крутой шее. Конь волнуется.

Приск. Не кажется ли тебе, божественный, что эти новые поклонники слишком раздражают Рыжего?

Калигула. А? (*Кричит.*) Скажи, чтобы не трогали! Чтобы вон, вон!

Консул. Цезарь просит не обременять сенатора излишней ласковостью, которая его волнует...

Калигула. Чтобы вон! вон!

Консул (*поспешно*). И занять свои места.

Восторженные, с поклонами и улыбкой понимания отходят на свои места. Затишье. Сенаторы негромко, с выражением на лицах лояльности, переговариваются. Кто-то лояльно зевает, показывая тем, что все обстоит благополучно.

Калигула (*мрачно*). И это – все? Приск (*зевая*). Что же еще, божественный? Твой Рыжий принят достойно.

Калигула. Достоинo, достоинo... Приск, тебе интересно?

Приск (*небрежно*). Нет. Я говорил: назначь им петуха.

Второй приближенный. И с петухом было бы то же.

Калигула. Не говори глупостей! Какого еще петуха? Я люблю Рыжего и никакого петуха не хочу. Сам ты петух! Нет, ты понимаешь, Приск, что же это такое? Свинство! Я хочу повеселиться, мне скучно, а они ничего не умеют. (*Плачет.*) Плутон меня поberi, я ищу сильных ощущений, а разве это си... сильные ощущения? О Афродита, какая скука, какая зеленая скука!

Приск. Успокойся, божественный, ты раздираешь нам сердце.

Префект (*берясь за меч*). Негодяи! Расстроили царя!

Второй приближенный. Успокойся! Твое здоровье необходимо для отечества! Может быть, еще что-нибудь выйдет...

Калигула (*рыдая*). Да, выйдет, как же. Я их знаю!

Приск. Вот сейчас Менений скажет коню приветственную речь...

Калигула (*переставая плакать и тараща глазки*). Менений... Да ты с ума сошел.

Приск (*небрежно*). Почему же? Знатный патриций,

род свой ведет непосредственно от кухарки Нумы Помпилия⁶, почтенная личность, безукоризненная репутация, уважаем Сенатом...

Калигула. Менений? Да пойми ты: он только на похоронах говорит. Я помню, когда еще папашу Тиверия⁷ одеялами душили, так он хорошую речь сказал, я тогда плакал. *(Опять плачет.)*

Приск. Да успокойся, божественный, утишь свою чувствительность! То-то и интересно: привык говорить на похоронах, пусть-ка вывернется теперь. Мы с консулом нарочно его выбрали, чтобы ты посмеялся.

Приближенные смеются. Калигула, поняв, присоединяется к ним и громко хохочет.

Калигула. Ну пусть, пусть, Менений!..

Голоса. Менений!

– Менений!..

Речь Менения.

⁶ *Нума Помпилий* – легендарный, второй от основания, царь Рима.

⁷ **Тиверий** (Тиберий) Клавдий Нерон (42 г. до н. э.– 37 г. н. э.) – римский император. Согласно версии древнего историка Тацита, пристрастно относившегося к Тиберию, был задушен по указанию римского префекта Макрона, сторонника Калигулы.

– Божественный Калигула и вы, римские сенаторы. Какую тяжелую утрату... кхе, кхе... понесли бы мы, если бы наш божественный цезарь не назначил к нам этого... как его... кхе, кхе... вот этого... сенатора. Какое душевное прискорбие испытали бы мы все, здесь собравшиеся над... под... над тем, что отнюдь не есть прах, да – если бы император вдруг пожалел своего жеребца и не по... покрыл его тогой. Слезы душат меня при одной только этой мысли. Отцы отечества! Вы все знали его и любили, и не мне вызывать в вашей памяти его незабвенный образ, да – незабвенный. Как он скакал! Как он носился, подняв трубою хвост, по императорскому ристалищу, как он вообще резвился, а ныне, что видим? Он заседает. *(Плачет.)* И если даже для нас, имеющих так мало ног, это трудно, а в летнее время даже невыносимо – заседать, то каково же ему при его, да – многоножии... и хвосте? Почтим же его еще раз вставанием и возблагодарим нашего великого и славного Августа за то, что не пожалел для Сената даже своего... *(плачет)* родного... жеребца. *(Садится.)*

Все встают; крики «виват», хохот. Хохочут и в цезарской ложе, и только Калигула не совсем понял и недоволен.

Калигула. Что он, хорошо сказал?

Второй приближенный. По-моему, хорошо.

Приск. И по-моему, хорошо. Вот только последние слова...

Второй приближенный. Да и последние слова... если принять в расчет глубокую искренность оратора, его слезы...

Снова хохочут. Цезарь подозрительно оглядывает всех своими оплывшими глазками – и внезапно приходит в ярость.

Калигула. Молчать, вы – рабы! Я вам покажу. Я вас всех, я вас!.. *(Захлебывается яростью.)*

Наступает могильное молчание. Багровый от гнева, Калигула встает, шатаясь, ж кричит через барьер ложи:

Эй вы, отцы отечества, рабы! Не смеяться! И что-бы без этих, этих ваших... я вас знаю. Кто вам позволил смеяться? Не смей. Это моя лошадь! И если вы будете смеяться, то я вас, я вас... Молчать, навозная куча, дрянной сенатишко! А то велю вас всех бичами, бичами... Молчать. Кто я? Я – бог, вот⁸. Я Касто-

⁸ Кто я? Я бог, вот – Во время своего правления Калигула ввел культ

ру отрубил голову, я Полуксу отрубил голову⁹ и вам всем велю отрубить, мне надоело. Я – бог. Захотел я – и жеребца сделал сенатором, я захочу – всех вас сделаю жеребцами и отправлю на ристалище бегать. Вы мне побежите. Всем хвосты приставлю. Слыхали?
(Садится и пьет вино, косясь кровавыми глазами на приближенных. Те шепотом переговариваются.)

Приск. Какая речь! Это одна из лучших речей божественного.

Калигула *(пьет)*. То-то!

Второй приближенный. А насчет хвостов? Какая мысль!

Калигула. Ну, довольно. Надоели. Пусть говорит там кто. Только чтобы это была настоящая речь, а не над покойником.

Приск. Кажется, очередь Марцелла.

Калигула. А, старый буян. Разве он еще жив?

Приск. Ты забыл о нем, божественный.

Калигула. А вы не можете и напомнить? Ну, пусть говорит. Марцелл!..

Робкие голоса: «Марцелл!», «Марцелл!»

почитания его как бога.

⁹ Я Кастору отрубил голову, я Полуксу отрубил голову... – Здесь намеренный анахронизм. Кастор и Поллукс – Диоскуры, мифологические братья-близнецы, сыновья Юпитера и Леды, герои похода аргонавтов и других сказаний.

Речь Марцелла.

Привет тебе, божественный и несравненный Август! Привет, сенаторы! Привет и тебе, наш новый и достойный товарищ! *(Кланяется коню.)* Я воин, а не оратор, и биться мечом мне пристойнее, нежели бросаться легкими словами; и заранее прошу простить меня, если моя речь будет недостаточно искусна. Этот недостаток я постараюсь возместить воинскою прямою и честностью старого римского гражданина.

Да, ты прав, Калигула. Ты во всем прав. И когда ты гневно пожелал заткнуть смеющиеся глотки, я всем сердцем присоединился к твоей яростной речи. Бичей! Бичей им! Они клянутся и нарушают клятву, они говорят глупости, их нечистый рот набит нечистыми словами – он один с достоинством молчит. Кто же здесь лучший? Кому же быть сенатором в этом сенате, как не рыжему жеребцу?

Но в одном я упрекну тебя, божественный: ты остановился на полдороге. Ты не довел до конца начатое тобой и не завершил мудрого дела достойным венцом: не уступил Рыжему твоего лаврового венка и высокого сана...

Калигула еще не понял; приближенные что-то поспешно шепчут ему, но он отмахивается рукой.

Ты бог, и ты все можешь! Сделай же рыжего коня цезарем, как ты уже сделал его сенатором, укрась жеребцом ряды великих римских владык. Но я вижу: ты покраснел, ты сомневаешься, достоин ли такого божественного дара ненавистный тебе римский народ? Успокойся: народ достоин. Если долгие годы он молчаливо и покорно терпел двуногую скотину, подобную тебе, божественный, то четвероногое животное будет только новой ступенью к славе! Долой венец, ублюдок, отдай его коню!

Шум. Легионеры поспешно направляются к Марцеллу, чтобы взять его. Многие сенаторы поспешно удаляются, чтобы не видеть дальнейшего.

Калигула (*яростно вопит*). Взять его! Я тебя брошу диким зверям! я...

Марцелл (*кланяясь*). Я кончил!

Шум растет, все убегают. Преторианцы схватывают Марцелла.

Занавес